

сенсация

ДЖОН КИТС

шутка Джона Китса
перевод Николая Самойлова
серия лучшие переводы

12+

ДЖОН КИТС

Шутка Джона Китса

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Китс Д.

Шутка Джона Китса / Д. Китс — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99716-5

Джон Китс – близок мне по духу, я, как и он, романтик. Это подтверждает моя любовная и пейзажная лирика. Переводя сонеты Китса, я старался точно передать мысли, словарь и образы его стихов. Чтобы читатель мог проследить мой путь к этому, привожу старые и новые варианты переводов. Путь не простой и тяжёлый. Читатель сам решит, какой вариант ему по вкусу. Подбирал самые известные стихи, чтобы читатель мог сравнить с переводами других переводчиков. Думаю, что могу вслед за Китсом, сказать Надежде: Но в полночь думать, иногда, позволю Что я пишу сонеты не напрасно!

ISBN 978-5-532-99716-5

© Китс Д., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Джон Китс	5
О море	6
Женщине	8
Ода осени	12
К миру	15
Кузнечик и сверчок	17
Времена года и человека	19
Современная любовь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джон Китс

Шутка Джона Китса

Джон Китс

(1795-1821) английский поэт-романтик

Родился в Лондоне в семье содержателя конюшни. Изучал медицину, но потом оставил её и занялся поэзией. В 1817 Китс издал первую книжку лирических стихов, а в следующем году – большую поэму «Эндимион». Недоброжелательные отзывы критики привели к депрессии. Нравственные волнения ускорили развитие чахотки – наследственной болезни в семье поэта. В 1818 его отправили в Южный Уэльс, где он немного окреп. В 1819 Китс влюбился в Фанни Браун. Она отказывалась выйти за него замуж, пока он не составит себе положения в обществе. Очень стеснённые обстоятельства сделали жизнь Китса крайне тяжёлой. Болезнь возобновилась. Китс медленно угасал. Поэт осознал это и отражал в своих одах и стихотворениях настроение умирающей молодости и таинственную торжественность перехода в мир иной. В 1820 отплыл в Италию, поправить здоровье, болезнь оказалась сильнее. Скончался в Риме в 1821 году.

О море

Вокруг не затихает вечный шёпот,
Могучей зыбью берега ласкает,
Взроптав, без счёта гроты заполняет,
Пока Геката не умерит ропот.

Бывает кротким, бег волны стреножив,
Оно уснёт, намаявшись от бурь,
И ракушку, пока тиха лазурь,
Там, где оставил шторм, не потревожит.

О, вы! Чьи взгляды роши не влекут,
Стремитесь ими в даль морских угодий,
И вы, чьи уши жаждут тишины,
Пресыщенные звуками мелодий,
Присядьте у бездонной глубины
И ждите, когда Нимфы запоют!

On The Sea

It keeps eternal whispering aroun
Desolate shores, and with its mighty swell
Gluts twice ten thousand Caverns, till the spell
Of Hacate leaves them their old sound.

Often 'tis in such gentle temper found,
That scarcely will the very smallest shell
Be mov'd for days from where it sometime fell,
When last the winds of Heaven were unbound.

O ye! who have your eye-balls vax'd and tir'd ,
Feast them upon the wideness of the Sea;
O ye! whose ears are dinn'd with uproar rude,
Or fed too much with cloying melody –
Sit ye near some old Cavern's Mouth, and brood
Until ye start, as if the sea-nymphs quire'd!

Первый вариант

Воркует от восхода до заката,
Но дважды в день прибой летит в карьер,
Спешит заполнить тысячи пещер
Во тьме которых царствует Геката.

Бывает час, когда волну стреножив,
Оно, в шторма намаявшись, уснёт,
Зеркальна гладь, пока не отдохнёт
И ракушку в песке не потревожит.

О, вы, чьи взгляды больше не влекут,
Бескрайние поля земных угодий,

И вы, чьи уши жаждут тишины,
Пресыщенные звуками мелодий,
Присядьте у бездонной глубины
И ждите, когда Нимфы запоют!

Женщине

1 сонет

О, женщина, люблюсь я тобой:
Ребячливою, гордой, своенравной;
Когда, взор опустив, походкой плавной
Идёшь, раскаявшись, врачуя добротой,
От боли, что наносишь красотой.
Тогда мой дух от радости гарцует,
Тогда душа ликует и танцует,
Чтобы любить весь век, забыв покой.

Увижу кроткой, нежной буду рад,
Боготворить, о небеса! Такою.
Готов стать Калидором, как Леандр
Спешить к тебе, борясь с ночной волною.
Как рыцари Креста, не жду наград,
Чтоб, как они, любимым быть тобою.

1-й сонет

Woman! when I behold thee flippant, vain,
Inconstant, childish, proud, and full of fancies;
Without that modest softening that enhances
The downcast eye, repentant of the pain
That its mild light creates to heal again:
E'en then, elate, my spirit leaps, and prances,
E'en then my soul with exultation dances
For that to love, so long, I've dormant lain:

But when I see thee meek, and kind, and tender,
Heavens! how desperately do I adore
Thy winning graces; – to be thy defender
I hotly burn – to be a Calidore -
A very Red Cross Knight – a stout Leander -
Might I be loved by thee like these of yore.

1й вариант

О, женщина, приму тебя любой;
Предстанешь легкомысленной, тщеславной,
Непостоянной, гордой, своенравной –
Я буду восхищаться и такой!

Увижу, что идёшь, потупив взор,
При этом, рая и врачуя взглядом,
На душу радость хлынет водопадом,
А в сердце запоёт небесный хор.

Когда и добр, и нежен кроткий взгляд,
Тогда моя душа в преддверьях рая;
Как Колидор не буду знать преград,

Плыть, как Леандр, с ночной волной играя,
Согласен умереть сто раз подряд,
Твою любовь, в сраженьях добывая.

2 сонет

Легки ступни, зрачки, как бирюза;
Нежна рука, белы и грудь, и шея.
Хочу понять, что мне всего милее,
Смотрю, и разбегаются глаза.
Картины те прекраснее цветка,
Достойны и любви, и восхищенья,
Хотя, порой, рождаются сомненья
От мысли: Добродетель – так редка.

Как птичка, мысль гоню, хочу забыть,
Перед обедом в горле вечно сухо,
Стараюсь нёбо трижды увлажнить.
Голодная акула тешит брюхо,
А я, спешу твой голос уловить
На звук его, настраивая ухо.

2 й сонет

Light feet, dark violet eyes, and parted hair;
Soft dimpled hands, white neck, and creamy breast,
Are things on which the dazzled senses rest
Till the fond, fixed eyes forget they stare.
From such fine pictures, heavens! I cannot dare
To turn my admiration, though unpossess'd
They be of what is worthy, – though not drest
In lovely modesty, and virtues rare.

Yet these I leave as thoughtless as a lark;
These lures I straight forget, – e'en ere I dine,
Or thrice my palate moisten: but when I mark
Such charms with mild intelligences shine,
My ear is open like a greedy shark,
To catch the tunings of a voice divine.

1й вариант

Белы, как сливки, руки, грудь и шея,
Легка нога, зрачки, как бирюза,
Смотрю, и разбегаются глаза,
Я не пойму, что мне всего милее.

Исчезнешь с глаз, и облик твой бледнеет,
А восхищенье вянет, как цветы;
Тускнеет обаянье красоты -
Хранить их вечно память не умеет.

И только голос твой всегда со мной,
Его мелодия мне услаждает уши;

Голодную акулою морской,
Я с жадностью настраиваю душу
В разлуке на одну волну с тобой,
Чтоб отыскать на море, и на суше.

3 сонет

Прекрасную, кто сможет позабыть ?
Кто от сладчайшей отказаться смеет?
Она, как снежно – белый агнец блеет,
И молит честь, невинной, защитить.

Всевидящий, ты ждёшь ли нас с дарами?
Не дай невинность подлю погубить,
Обманом девственную грудь пронзить,
Убив её жестокими руками.

От мыслей о красе спасенья нету,
Вот вижу осязаемой, босой,
Она идёт к беседке, в час рассвета;
Цветы срывает нежною рукой,
В глаза мне, брызгая при этом,
Дрожащею серебряной росой.

3 сонет

Ah! who can e'er forget so fair a being?
Who can forget her half retiring sweets?
God! she is like a milk-white lamb that bleats
For man's protection. Surely the All-seeing,
Who joys to see us with his gifts agreeing,
Will never give him pinions, who intreats
Such innocence to ruin, – who vilely cheats
A dove-like bosom. In truth there is no freeing
One's thoughts from such a beauty; when I hear
A lay that once I saw her hand awake,
Her form seems floating palpable, and near;
Had I e'er seen her from an arbour take
A dewy flower, oft would that hand appear,
And o'er my eyes the trembling moisture shake.

1й вариант

Как на такую кротость посягнуть?
Кто погубить чистейшую посмеет?
Прося защиты, белый агнец блеет,
Не дай, невинность, подлю обмануть.

Всевидящий, ты видишь, что влечёт,
Как муху мёд, она прелюбодея,
Не дай свершиться замыслам злодея,
Пусть девственность, лаская взгляд, цветёт.

Как белая голубка её грудь,

Трепещет, когда рук хочу коснуться;
Когда в глаза пытаюсь заглянуть
Торопится, смутившись, отвернуться;
Пригрезится, боюсь мой сон спугнуть
И со слезами на глазах проснуться.

Ода осени

Сезон туманов и плодоношенья
Советуется с солнцем и землёй;
С согласия их даёт благословенье
Кистям лозы, ползущей вверх змеёй;
Плодами ветви яблонь гнёт к земле,
Орех и тыкву наполняя соком,
Даёт два дня понежиться в тепле;
Цветению лугов, продляя сроки,
Нектаром продолжает пчёл кормить;
Пусть думают, что лето длится год,
В ячейки сот, вливая сладкий мёд.
Кто не видал тебя идущей в склад?
Вот отдыхаешь на полу амбара,
Лаская твою шею, ветер рад
Волос коснуться с лихостью гусара;
Храпишь на недожатой борозде,
Кольшутся нескошенные маки,
Но скоро будут срезаны везде,
Твой серп лежит готовый для атаки;
Вот смело речку переходишь вброд,
Часами смотришь, прибавляя гнёт,
Как из даильни терпкий сок течёт.
Где песни дней весны? Ах, где они?
Забудь о них, есть музыка другая,
Она звучит, когда уходят дни,
Поля румянцем неба украшая;
В печальном хоре комары грустят,
Там, где у речки листья ив желтеют,
Потом за ветром умирать летят;
Ягнята за холмами громко блеют,
Кузнечики стрекочут, реполов
Порой дискантом крикнет из садов,
А ласточки поют и в небе реют.

1й вариант

Сезон туманов и плодоношенья
Друг солнце разговор ведёт с тобой;
По сговору, даёт благословенье
Кистям лозы, ползущей вверх, змеёй;
Плодами ветви яблонь гнёт к земле,
Орех и тыкву наполняя соком,
Даёт два дня понежиться в тепле;
Цветению лугов продляет сроки,
Чтоб продолжать нектаром пчёл кормить;
Пусть думают, что лето длится год,
В ячейки сот, вливая сладкий мёд.

Кто не видал тебя идущей в склад?
Вот отдыхаешь на полу амбара,
Лаская твою шею, ветер рад
Волос коснуться с лихостью гусара;
Храпишь на недожатой борозде,
Колышутся нескошенные маки,
Но скоро будут срезаны везде,
Твой серп лежит готовый для атаки;
Вот смело речку переходишь вброд,
Часами смотришь, прибавляя гнёт,
Как из даильни терпкий сок течёт.

Где песни дней весны? Ах, где они?
Забудь о них, есть музыка другая,
Она звучит, когда уходят дни,
Поля румянцем неба украшая;
В печальном хоре комары грустят,
Там, где у речки листья ив желтеют,
Потом за ветром умирать летят;
Ягнята за холмами громко блеют,
Кузнечики стрекочут, реполов
Порой дискантом крикнет из садов,
А ласточки поют и в небе реют.

To Autumn

SEASON of mists and mellow fruitfulness,
Close bosom-friend of the maturing sun;
Conspiring with him how to load and bless
With fruit the vines that round the thatch-eves run;
To bend with apples the moss'd cottage-trees,
And fill all fruit with ripeness to the core;
To swell the gourd, and plump the hazel shells
With a sweet kernel; to set budding more,
And still more, later flowers for the bees,
Until they think warm days will never cease,
For Summer has o'er-brimm'd their clammy cells.

Who hath not seen thee oft amid thy store?
Sometimes whoever seeks abroad may find
Thee sitting careless on a granary floor,
Thy hair soft-lifted by the winnowing wind;
Or on a half-reap'd furrow sound asleep,
Drows'd with the fume of poppies, while thy hook
Spare the next swath and all its twined flowers:
And sometimes like a gleaner thou dost keep
Steady thy laden head across a brook;
Or by a cyder-press, with patient look,
Thou watchest the last oozings hours by hours.

Where are the songs of Spring? Ay, where are they?
Think not of them, thou hast thy music too,
While barred clouds bloom the soft-dying day,
And touch the stubble plains with rosy hue;
Then in a wailful choir the small gnats mourn
Among the river shallows, borne aloft
Or sinking as the light wind lives or dies;
And full-grown lambs loud bleat from hilly bourn;
Hedge-cricket sing; and now with treble soft
The red-breast whistles from a garden-croft;
And gathering swallows twitter in the skies.

1й вариант

Сезон туманов и плодоношенья
Друг солнце разговор ведёт с тобой;
По сговору, даёт благословенье
Кистям лозы, ползущей вверх, змеёй;
Плодами ветви яблонь гнёт к земле,
Орех и тыкву наполняя соком,
Даёт два дня понежиться в тепле;
Цветению лугов продляет сроки,
Чтоб продолжать нектаром пчёл кормить;
Пусть думают, что лето длится год,
В ячейки сот, вливая сладкий мёд.

Кто не видал тебя идущей в склад?
Вот отдыхаешь на полу амбара,
Лаская твою шею, ветер рад
Волос коснуться с лихостью гусара;
Храпишь на недожатой борозде,
Кольшутся нескошенные маки,
Но скоро будут срезаны везде,
Твой серп лежит готовый для атаки;
Вот смело речку переходишь вброд,
Часами смотришь, прибавляя гнёт,
Как из даильни терпкий сок течёт.

Где песни дней весны? Ах, где они?
Забудь о них, есть музыка другая,
Она звучит, когда уходят дни,
Поля румянцем неба украшая;
В печальном хоре комары грустят,
Там, где у речки листья ив желтеют,
Потом за ветром умирать летят;
Ягнята за холмами громко блеют,
Кузнечики стрекочут, реполов
Порой дискантом крикнет из садов,
А ласточки поют и в небе реют.

К миру

О Мир! Присутствием благослови
Жилища островного государства;
Смягчая нрав, раздор останови,
Улыбку возврати в тройное царство.

Я радостно приветствую тебя
И спутников, что ждут неумолимо;
Желание исполни, нас любя,
Пусть будет нимфа Гор твоей любимой.

Как Англии Европе заяви:
– Рви цепи, и свободно живи;
Избавившись от царства тирании,
Своим царям закон установи;
Закончив с прошлым ужасом борьбу,
Приобретёшь счастливую судьбу!
On peace
O Peace! And dost thou with thy presence bless
The dwelling of this war-surrounded Isle;
Soothing with placid brow our late distress,
Making the triple kingdom brightly smile?

Joyful I hail thy presence; and I hail
The sweet companions that await on thee;
Complete my joy – let not my first wish fail,
Let the sweet mountain nymph thy favorite be,

With England's happiness proclaim Europa's liberty.
O Europe! Let not sceptred tyrants see
That thou must shelter in thy former state;
Keep thy chains burst, and boldly say thou are free;
Give thy kings law – leave not uncurbed the great;
So with the horrors past thou'lt win thy happier fate!

1й вариант

О Мир! Приди и нас благослови,
Война раздор оставила в наследство;
Смягчая нрав, вражду останови,
Верни опять улыбку королевству.

Восторженно приветствую тебя
И всех друзей, что ждут меня в разлуке;
Верни нам радость, мы живём скорбя,
Пусть нимфа Гор соединит нам руки.

Как Англии Европе заяви:
– Рви цепи, и свободно живи,

Избавившись от царства тирании.
Законом королей останови,
Пусть знают – ужас в прошлом, что впервые
Европе даришь годы золотые.

Кузнечик и сверчок

Поэзия земли не умирает:
Когда, сомлев, умолкнут птицы в зной,
Найдя и тень, и отдых под листвой,
Треск, в скошенной траве, не замолкает.

Кузнечик пляшет, пьяный от веселья,
С восторгом славит лето и жару,
Бездельнику их роскошь по нутру,
В траве уснёт, свалившись с ног, от пенья.

Поэзия земли не умолкает,
Ни летом, ни морозною зимой -
С прокованной морозом тишиной;
Сверчок поёт, жар печки вдохновляет.
В дремоте, нам мерещится порой,
Что вновь поёт кузнечик в летний зной.
THE GRASSHOPPER AND CRICKET

The poetry of earth is never dead:
When all the birds are faint with the hot sun,
And hide in cooling trees, a voice will run
From hedge to hedge about the new-mown mead;
That is the Grasshopper's – he takes the lead
In summer luxury, – he has never done
With his delights; for when tired out with fun
He rests at ease beneath some pleasant weed.

The poetry of earth is ceasing never;
On a lone winter evening, when the frost
Has wrought a silence, from the stove there shrills
The Cricket's song, in warmth increasing ever,
And seems to one, in drowsiness half lost,
The Grasshopper's among some grassy hills.

Подстрочник

Поэзия Земли никогда не умирает:
Когда все птицы падают в обморок от жаркого солнца,
И прячутся в тени деревьев, голос бежит
От изгороди к изгороди около свежескошенного меда;
Это Кузнечик – он берет на себя инициативу.
Летом роскошь, – он никогда этого не делал
С его прелестями; ибо когда устанешь от веселья
Он спокойно отдыхает под какой-нибудь травой.

Поэзия Земли никогда не прекращается;
В одинокий зимний вечер, когда мороз
Наступила тишина, из печки раздаются пронзительные крики

Песня сверчка, в тепле все усиливающаяся,
И кажется одному, в дремоте наполовину спящему, что это
Кузнечик среди каких-то травянистых холмов.

1й вариант

Поэзия земли не умирает:
Когда все птицы умолкают в зной
Найдя и тень, и отдых под листвой,
Треск, в скошенной траве, не замолкает.

Кузнечик пляшет, пьяный от веселья,
С восторгом славит лето и жару,
Ему и корм, и солнце по нутру,
Поёт, пока не станет луг постелью.

Поэзия земли не умолкает,
Ни летом, ни заснеженной зимой
С прокованной морозом тишиной;
Сверчок поёт, усталости не знает,
Печь топится и кажется порой,
Что вновь поёт кузнечик в летний зной.

Времена года и человека

Из четырёх сезонов каждый год,
И в жизни их четыре, без сомненья:
Роскошная весна – душа цветёт,
Вбирает красоту воображенье;

А летом пьёт, смакуя, вешний мёд
И до небес возносится мечтами,
Слабеют крылья, всё трудней полёт,
Приходится прощаться с небесами.

Для человека осень настаёт:
Душа желает тихого залива,
Не замечая красоту, идёт,
Покоем своей праздности счастлива.
В снегах зимы последний наш привал -
Никто бессмертным, постарев, не стал.
The human seasons
Four Seasons fill the measure of year;
There are four seasons in the mind of man:
He has his lusty Spring, when fancy clear
Takes in all beauty with an easy span:

He has his Summer, when luxuriously
Spring's honied cud of youthful thought he loves
To ruminate, and by such dreaming high
Is nearest unto heaven: quiet coves

His soul has in its Autumn, when his wings
He furlleth close; contented so to look
On mists in idleness – to let fair things
Pass by unheeded as a threshold brook.
He has his Winter too of pale misfeature,
Or else would forego his mortal nature.

1 вариант

Из четырёх сезонов каждый год,
И в жизни их четыре без сомненья:
Роскошная весна – душа цветёт,
Вбирает красоту воображенье;

А летом пьёт, смакуя, вешний мёд
И до небес возносится мечтами,
Слабеют крылья, всё трудней полёт,
Приходится прощаться с небесами.

Для человека осень настаёт:
Душа желает тихого залива,

Как ручеёк не торопясь течёт,
Покоем созерцания счастлива.
В снегах зимы последний наш привал -
Никто от доли смертных не сбежал.

Современная любовь

Что есть любовь? Наряженная кукла
Для баловства, в дни праздного безделья;
Ей имена прекрасные давая,
Наивный юноша до божества
Её возносит, объявив тиарой
Гребёнку дамы, лето напролёт
Проводит в играх, ослепив себя;
Воображает сапоги Ромео
И Клеопатру из квартиры семь,
Антоний проживает в Брунsvик – сквере.
Те страсти, что когда то грели мир,
В сердцах цариц и воинов пылая,
Не повод для страданий и мучений;
В сравненье с ними ваши – сорняки.
Глупцы, вот если сможете вернуть
Жемчужину египетской царицы,
Тогда скажу, что можете любить.
Modern love
AND what is love? It is a doll dress'd up
For idleness to cosset, nurse, and dandle;
A thing of soft misnomers, so divine
That silly youth doth think to make itself
Divine by loving, and so goes on
Yawning and doting a whole summer long,
Till Miss's comb is made a pearl tiara,
And common Wellingtons turn Romeo boots;
Then Cleopatra lives at number seven,
And Antony resides in Brunswick Square.
Fools! if some passions high have warm'd the world,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.